

Алексей Андреев

БИБЛЕЙСКАЯ НАУКА В РАМКАХ ПАРАДИГМ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

1. Постановка проблемы

Библеистика, как и любая другая наука, имеет определенный набор априорных, самоочевидных установок, которые разделяются всем научным сообществом. Однако с течением времени эти установки теряют свой самоочевидный характер, становясь предметом критики, таким образом, меняется методологическая основа, парадигма библейских исследований.

Данная статья посвящена рассмотрению методологической основы библеистики в рамках двух парадигм: модерна и постмодерна. Необходимо ответить на вопрос: чем сущностно отличается подход к изучению Библии в рамках модернизма и постмодернизма.

Сразу следует отметить, что под «методологической основой» в данной статье понимается сумма априорных, самоочевидных установок библеистов, обусловленных мировоззрением и разделяемых научным сообществом.

2.1. Библеистика эпохи модерна (XVI – начало XX вв.)

Начиная с XVI – XVII веков можно говорить о вполне сформировавшейся модернистской парадигме библейских исследований. Начало библеистики эпохи модерна связано с именами Карлштадта, Гоббса, Спинозы и др. XVIII, XIX и начало XX века явилось периодом расцвета библеистики модерна. Это время т.н. историко-критического метода, развиваемого такими исследователями Ветхого Завета как Виттер, де Ветте, Вельхаузен, Гункель; и Нового Завета: Реймарус, Штраус, Ренан, Фаррар, Шлейермахер, Гарнак, Вайс, Трёльч, Вреде и десятки других, мене известных авторов¹.

Несмотря на то, что перечисленных авторов разделяют десятки, а иногда и сотни лет, несмотря на различия в выводах их исследований, все они разделяли общие методологические установки. Именно благодаря тому, что у них был общий мировоззренческий базис, обусловленный парадигмой модерна, стало возможным существование библеистики как одно из дисциплин

Алексей Андреев — студент Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

¹ О развитии библейской науке с XVI по XIX в. см.: Штраус Д. Старая и новая вера. Христиане ли мы еще? М.: УРСС, 2011. С. 13 – 36., Райт Н.Т., еп. Авторитет Писания и власть Бога. Черкассы: Коллоквиум, 2007. С. 85 – 90., Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум, 2011. С. 137 – 163., Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 77 – 85., Лёзов С. История и герменевтика в изучении Нового Завета. // Попытка понимания. Избранные работы. М., СПб.: Университетская книга, 1999. С. 504 – 529., Десницкий А.С. Введение в библейскую экзегетику. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 111 – 132., Он же. Источники и составные части «библейской критики» // Альфа и Омега № 1 (57), 2010. С. 15 – 34., Хегглунд Б. История теологии. СПб.: Светоч, 2001. С. 284 – 340., Браун Р. Введение в Новый Завет. Т. I. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2007. С. 439 – 441.

европейской гуманитарной науки. Библистика все дальше отходит от Церкви, приближаясь к таким светским дисциплинам как история, археология, филология и (в самом конце XIX в.) религиоведение.

2.2. Методологический базис библейских исследований эпохи модерна

Теперь необходимо перечислить априорные установки библеистики эпохи модерна, которыми руководствовались исследователи Библии.

I. Авторство библейских текстов

В парадигме премодерна Бог мыслился как Творец, как Автор двух великих книг: книги Природы и книги Откровения, т.е. Библии. С концом Средневековья, практически все атрибуты Бога были перенесены на эмпирического автора. Главная функция эмпирического автора эпохи модерна – гарантия смысла в тексте².

Божественное авторство библейских текстов а priori отрицалось, говоря точнее, вопрос о богооткровенном характере Библии просто не мог быть поставлен в дискурсе модерна. Однако твердое убеждение, что эмпирический автор какого-либо библейского текста обязательно создает единое, целостное, законченное и осмысленное произведение позволяло библеистам XVI – XIX вв. выделить, например, как минимум пять авторов первых шести книг Библии (Шестокнижия, по термину Вельгаузена). Тезис о том, что Шестокнижие было написано пятью авторами доказывался тем, что внутри большого повествования Шестокнижия можно выделить пять отдельных нарративов, имеющих свое начало и конец и особую идею, объединяющую малое повествование. Поскольку ни одно законченное и несущее смысл произведение не может возникнуть само по себе, поэтому и пять нарративов Шестокнижия должны обязательно иметь пять отдельных эмпирических авторов.

Априорная установка о том, что каждый библейский текст обусловлен лишь конкретным эмпирическим автором порождает проблемное поле модернистской библеистики: личность автора, его культурный и религиозный background, богословие этого автора, время написания этим автором какой-либо книги Библии и проч.

II. Текст Библии

Традиционное христианское толкование Писания основывалось на принципах онтологии Аристотеля. Этот толковательный принцип можно назвать «герменевтическим реализмом»³. Каждое слово представляет собой знак, напрямую отсылающий к соответствующей реалии в мире. Однако в

² См. *Барт Р.* Смерть автора // Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2005., *Фуко М.* Смерть автора // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996., *Ванхузер К.* Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания. Черкассы: Коллоквиум, 2007. С. 49 – 57.

³ См. *Ванхузер*, Искусство... С. 133 – 206.

контексте парадигмы модерна текст уже обусловлен не метафизикой или онтологией, а контекстом.

«В IV–V вв. теология задавала Новому Завету догматические вопросы... Напротив того, научное исследование раннего христианства стало задавать Новому Завету исторические вопросы, и одним из первых был вопрос о “подлинном”, т.е. недогматическом Иисусе»⁴. Таким образом, главным направлением новозаветных исследований становится «поиск исторического Иисуса» и противопоставление последнего «Христу веры»⁵. Создается новый жанр библейских работ: т.н. «жизнь Иисуса» (сочинения с таким названием писали Штраус, Фаррар, Гегель, Ренан, Шлейермахер и др.). В евангельском повествовании библеисты разделяют мифологию и исторический материал, и на основании последнего пишут свои исследования.

В начале XX в. для подавляющего большинства библеистов стало очевидно, что большинство рассматриваемых ими текстов не являлись историческими описаниями в классическом европейском понимании. Таким образом, сам базис историко-критического метода с его историческими реконструкциями библейских событий стал весьма сомнительным. В это время в Германии появляется новая школа библейских исследований, названная «школой критики форм» (Гункель, Бультман, Кёземан, Робинсон, Герхардсон)⁶. Школа критики форм является, с одной стороны, порождением модернистской парадигмы библейских исследований, но с другой – ученые этого направления приближались к постмодернистской оценке текста. Таким образом, методология школы критики форм является в какой-то степени переходным этапом от модернистской к постмодернистской библеистики.

От модернистской библеистики в школе критики форм остался интерес к выявлению исторического контекста каждого из библейских повествований.

К постмодернистской парадигме школу критики форм приближает понимание учеными этого направления проблемы невозможности реального отображения исторических фактов в тексте. Библеисты этой школы отвергли наивное представление своих предшественников, согласно которому хороший текст является как бы «зеркалом» реально происходившей истории. По мысли теоретиков школы критики форм каждый библейский текст определен специфическим жанром, который и формирует смысловое наполнение произведения. Историческое повествование есть лишь жанр среди дру-

⁴ Лёзов, История... С. 505.

⁵ О поиске «исторического Иисуса» с XVIII по конец XX века см.: Браун Р. Введение в Новый Завет. Т. II. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2007. С. 439 – 454.

⁶ О школе критики форм см.: Ауни Д. Новый Завет и его литературное окружение. СПб.: РБО, 2000., Вэндлед Э. Гармония и алгебра Псалтири: литературный и лингвистический анализ библейских псалмов. М.: Институт перевода Библии, 2010., Гондецкий С., еп. Введение в синоптические Евангелия. М.: Духовная библиотека, 2004. С. 171 – 183., Тисельтон, Герменевтика... С. 181 – 200., Вайс М. Библия и современное литературоведение. М.: Мосты культуры, 2001. С. 85 – 73., Хегглюнд, История... С. 350 – 355., Бломберг К. Интерпретация притчей. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2005. С. 75 – 106.

гих жанров, которой в процентном соотношении ко всему текст Библии довольно мал.

Евангелия в библейской науке больше не воспринимались просто как исторические повествования о жизни Иисуса минус рассказы о чудесах. Благодаря определению жанра евангелия как одной из модификаций грекоримской биографии, повествования о чудесах вновь обрели ценность для науки. Проблема «текст – история» перестала быть ведущей в библеистике. Впервые была сформулирована проблема о влиянии текста (в данном случае, жанра) на теологию и вообще на смысл. Эта проблема будет подробно разбираться в рамках постмодернистского богословия.

3.1. Библеистика эпохи постмодерна

Библеистика вступила в эпоху постмодерна, как минимум, по двум причинам.

Первую причину можно назвать «объективной». Библеистика являлась одной из гуманитарных наук. В XX в. гуманитарные науки претерпели общий кризис, связанный с двумя мировыми войнами⁷. По этой причине менялись расстановки акцентов в гуманитарной науке в целом. Эти изменения затронули также и библеистику.

Вторую причину можно назвать «субъективной», поскольку она касается исключительно библейской науки. Уже в середине XIX в. библеисты писали о неразрешимых внутренних противоречиях, возникших в их науке⁸. Эти противоречия касались, с одной стороны, проблемы соотношения теологии (христианской веры) и библеистики; и науки и библеистики. Многие исследователи жаждали нового синтеза между христианской верой, теологией и светской наукой⁹. Однако парадигма модерна не позволяла произвести этот синтез¹⁰. Поэтому многие теологи (например, Кокс) с воодушевлением восприняли мировые перемены¹¹.

⁷ См.: *Гаспарян Д.Э.* Введение в неклассическую философию. М.: РОССПЭН, 2011. С. 12 – 48., *Кризис сознания: сборник работ по философии кризиса.* М.: Алгоритм, 2009., *Дугин А.Г.* Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-центр, 2002., *Он же:* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009.

⁸ См.: *Штраус,* *Старая...* С. 4 – 35.

⁹ «Несомненно, однако, что, когда все вновь полученные познания, преодолев пределы кабинета ученого, выйдет в жизнь – в церкви и школы, – они, несомненно, вызовут значительные изменения в духовной жизни и отдельных людей, и целых народов и будут содействовать прогрессу больше, чем самые выдающиеся открытия в области естественных наук». *Деллич Ф.* Вавилон и Библия. // *Классики мирового религиозоведения.* М.: Канон+, 1996. С. 347.

¹⁰ Невозможность конструктивного теологического диалога между двумя парадигмами ярко показывает переписка между библеистом модерна Гарнаком и библеистом зарождающегося постмодерна Бартом. См.: *Барт К.* Переписка с Адольфом фон Гарнаком // *Сравнительное богословие: немецкий протестантизм XX века.* М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 152 – 180. О возможности причисления Барта к постмодернистским богословам см.: *Саурсингх К.* Предисловие к русскому изданию «Послания к Римлянам» // *Барт К.* Послание к Римлянам. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2005. С. xi – xxvii.

¹¹ «“Проект” современной (т.е. модернистской – А.А.) теологии состоял в том, чтобы сделать веру убедительной для творцов нового интеллектуального мира, которые с ней расставались. ... Но сегодня отступает и сдает позиции как раз то культурное сообщество, в котором зародилась

Говорить о сформировавшейся постмодернистской библеистике можно после 1970-ых годов (т.е. после оформления постмодернизма как отрефлексированного философского течения). В рамках пост-классической теологии невозможно точно определить специализацию того или иного автора. Поэтому при перечислении наиболее значимых постмодернистских библеистов, некоторые авторы могут также быть известны и как философы и/или богословы-систематики. В любом случае, говоря о современной постмодернистской библеистике, необходимо упомянуть имена таких исследователей как епископ Н.Т. Райт, У. Брюггеман, Дж. Капуто, Д. Фридман, Э.Ш. Фьоренца, Х. Кокс, Дж. Павликовский и других *dii minorum* постмодернистской библейской науки.

3.2. Методологический базис библейских исследований эпохи постмодерна

1. Авторство библейских текстов

После выхода в свет двух базовых для постмодерна работ Фуко и Барта под общим названием «Смерть автора», становится под вопрос релевантность одной из главных задач классической библеистики – определение эмпирического автора того или иного библейского текста¹².

Фуко и Барт по-разному доказывают то, что для понимания текста совершенно не нужно изучать биографию его автора, его психологию, его кризисы и т.п. Барт считал, что мысли и переживания автора е являются тем материалом, из которого творится текст. По Барту, любой текст появляется и существует благодаря другим текстам, благодаря интертекстуальности¹³.

В рамках библейской науки постмодернистский принцип интертекстуальности был применен в т.н. «школе канонической критики»¹⁴. Поскольку школа канонической критики применяла принцип интертекстуальности

современная теология. И сейчас, когда начинается период, называемый “эпохой постмодернизма”, забвение грозит не религии, а самому современному миру. Уже ясно, что появилась потребность в *постмодернистской* теологии. ... Я считаю, что постмодернистская теология необходима. Ее существенные элементы и ее характерный “проект” обнаруживаются уже сами». *Кокс Х.* Религия в мирском граде. // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 382 – 383.

¹² Также важную роль в постановке вопроса о «смерти автора» сыграл Ханс-Георг Гадамер, который писал раньше Барта и Фуко и использовал другие методы для доказательства нерелевантности автороцентричного толкования для понимания смысла текста. Идеи Гадамера имели колоссальное влияние на современную ему философию и герменевтику. См.: *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. О влиянии идей Гадамера на библеистику см.: *Осборн Г.* Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование. Одесса: Евро-Азиатская Аккредитационная Ассоциация, 2009. С. 610 – 614.

¹³ См.: *Барт Р.* *S/Z*. М.: Академический проект, 2009., *Он же.* Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2005.

¹⁴ Один из важных трудов этой школы, переведенный на русский язык: *Хейз Р.* Отголоски Писания в посланиях Павла. Черкассы: Коллоквиум, 2011. Об интертекстуальности как библейском методе см.: *Хейз Р.* Отголоски Писания в посланиях Павла. Черкассы: Коллоквиум, 2011. С. 28 – 39., *Ванхузер.* Искусство... С. 143 – 160, 194 – 196., *Десницкий А.С.* Интертекстуальность в библейских повествованиях // Вестник МГУ, серия «Филология», 2008, № 1. С. 14 – 20., *Витковский В.* Рим 1:18 – 32 как интертекст // Страницы: богословие, культура, образование, 13(2), 2008/2009. С. 165 – 178.

лишь к библейским текстам (без учета древнего и современного литературного контекста), поэтому в рамках этой школы невозможно было ответить на самые острые вопросы, поставленные Бартом. Поэтому среди различных направлений постмодернистской библеистики, школа канонической критики является одной из наиболее близких церкви. Исследователями этого направления проблема эмпирического авторства библейских текстов не ставилась, зато проблемы прямых и косвенных цитаций в библейском тексте, внутреннее и внешние влияния на текст, дальнейшая роль текста в дискурсивном пространстве культуры и проч. стали наиболее важными для постмодернистских исследователей.

Подобный подход в определенной степени был близок христианским библеистам, поскольку он позволял избежать модернистского гиперкритицизма и связанных с ним проблем расхождения традиционных церковных датировок книг и датировкой, полученной в ходе историко-критического анализа; проблем с множественным авторством одной книги¹⁵; проблем с *ipsissima verba* и проч. Но, с другой стороны, дискурс канонической критики исключает ряд принципиально важных для церковной библеистики вопросов, например, вопрос о Богодухновенности Писания.

Еще дальше от церковной библеистики отстоит радикальное применение постмодернистского принципа интертекстуальности. Наиболее последовательно и масштабно этот принцип применяет известный постмодернистский автор Стэнли Фиш¹⁶, оказавший значительное влияние на ряд библеистов. В отличие от большинства представителей школы канонической критики, Фиш говорит о тотальной интертекстуальности, которая предшествует любому конкретному тексту. Один из программных тезисов Фиша: «Комментарий предшествует тексту»¹⁷. То есть любой читатель воспринимает текст (в т.ч. библейский), во-первых, через призму уже прочитанных им ранее текстов и, во-вторых, через все дискурсивное пространство культуры, в котором он находится. Библеисты, последователи Фиша, не признают важность автороцентричного толкования Библии, поскольку отрицают саму возможность понимания Другого.

Радикальное последовательное применение принципа интертекстуальности входит в противоречие с рассмотренной выше канонической критикой. Если умеренная каноническая критика признает иерархичность текстов Библии и их важность для церковного читателя, то радикальные последова-

¹⁵ «Возьмем пример из ВЗ: считается, что книга Исаии состоит из трех основных частей – Первоисаии (VIII век до н.э.), Второисаии (середина VI века до н.э.) и Третьеисаии (конец VI века до н.э. или чуть позже). Ученые пишут комментарии к каждой из этих частей, но “канонический смысл” – это смысл, который обретают эти части в контексте *всей книги*, а также (с дополнительными нюансами) в контексте корпуса пророческих писаний, контексте ВЗ, контексте *всей Библии* (куда входит и НЗ). Иными словами, канонический смысл может охватывать 800 лет интерпретации» *Браун*, Введение... Т. I. С. 75.

¹⁶ Polemika с теорией Фиша подробно отражена в книге: *Ванхузер*, Искусство...

¹⁷ Цитата по: *Ванхузер*, Искусство... С. 73.

тели Барта отрицают эти положения¹⁸. Отрицается стабильный смысл текста¹⁹. Только читатель может привнести в библейские тексты смысл²⁰.

Именно поэтому проблема «смерти автора» связана с еще одной базовой проблемой постмодернизма – проблемой «рождения читателя»²¹.

II. Читатель библейского текста. Итак, после постмодернистской «смерти автора» главенствующую роль в герменевтике стал играть читатель.

Как и в рассмотренных выше примерах, в рамках постмодернистской библейской герменевтики, ориентированной на читателя, можно выделить «умеренное» направление, к которому принадлежат большинство лояльных церкви библеистов, и «радикальное» направление, порывающее с церковной традицией.

В первом случае речь идет о т.н. школе «читательского отклика», изучающая воздействие библейского текста на его читателей²². Ученые этого направления отрицают значимость авторского замысла и стабильный смысл библейского текста.

Методы этой школы восстановили в правах древние и святоотеческие комментарии, которые модернистская библеистика считала неадекватными. Именно поэтому школа читательского отклика стала популярной среди лояльных церкви библеистов.

Таким образом, методы и теоретические наработки этой школы были восприняты традиционными церковными исследователями, поскольку это позволяло синтезировать библеистику и патрологию и вновь сделать актуальным святоотеческое наследие. Однако теория читательского отклика, признававшая равенство всех интерпретаций, не позволяла различить «ортодоксальное» и «еретическое» прочтение библейского текста. Это, конечно,

¹⁸ «Взаимодействие текстов делает невозможным как владычество одного текста над другим, так и подчиненность текста тексту. Относительность Писания разрушает правило канона и сводит на нет традицию авторитетности. ... После разоблачения книги, канона, традиции и Писание свободно пускается в бесконечный дрейф». *Taylor M. Erring: a postmodern a/theology*, 1984. Цитата по: *Ванхузер, Искусство...* С. 200.

¹⁹ «Канонический подход полагается на возможность того, что у текста есть способность *быть не синонимичным самому себе* – иначе говоря, одна и та же последовательность слов может иметь разный смысл в разных контекстах. Например, двадцать второй псалом имеет один смысл сам по себе, другой – если его рассматривать как часть Псалмов в целом, и еще один – когда его цитирует Иисус. ... Следовательно, смысл текста никогда не присутствует в нем вполне. Смысл всегда находится в процессе формирования, деформации и реформирования». *Barton J. Reading the Old Testament*, 1984. Цитата по: *Ванхузер, Искусство...* С. 199.

²⁰ «Если его [ап. Луку – А.А.] рассматривать не просто как историческую фигуру, пытающуюся в свое отсутствие управлять нашим научным дискурсом из некой удаленной точки вне дискурса, предшествующей ему, - то кем или чем он окажется еще? Постмодернистский ответ бескомпромиссен: “Лука” - это имя, которое мы присваиваем самому лучшему нашему толкованию; “Лука” - проекция нашего стремления к объединяющему центру и основе текстового значения; “Лука” - выражение воли читателя, “Лука” - это *я сам*». *Moore S. Literary criticism and the Gospels: the theoretical challenge*, 1989. Цитата по: *Ванхузер, Искусство...* С. 129.

²¹ «Необходимой платой за рождение читателя является смерть Автора». *Барт, Смерть...* С. 112.

²² Об школе читательского отклика см.: *Гондецкий, Введение...* С. 210 – 212., *Тисельтон, Герменевтика...* С. 328 – 349., *Данн Джс. Новый взгляд на Иисуса. Что упустил поиск исторического Иисуса. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2009.* С. 43 – 74., *Десницкий, Введение...* С. 164 – 168.

не позволяло церковной библеистике полностью принять теорию читательского отклика.

К «радикальному» течению, признающему исключительную важность читателя в процессе восприятия библейского текста, можно отнести феминистскую²³ и герменевтику освобождения²⁴.

Еп. Станислав Гондецкий выделяет три вида феминистской герменевтики: радикальная, неортодоксальная и критическая²⁵. Все три герменевтические стратегии направлены на актуализацию Библии среди современных женщин. В отличие от школы критики читательского отклика, ориентированной на читателей времен античности и средневековья, феминистская герменевтика ориентирована на современность. Радикальная и неортодоксальная версии феминистской герменевтики напрямую декларируют, что Библию следует понимать именно исходя из нужд и потребностей современного читателя. Поэтому те тексты, которые пропагандируют патриархальную идеологию нельзя принимать во внимание²⁶.

Феминистской герменевтики имеет довольно серьезное теоретическое обоснование, именно поэтому ее можно считать не только общественным, но и научным движением²⁷. Методологический базис этой герменевтики является постмодернистским, поскольку феминистская критика разделяет основные постулаты постмодернизма: 1. Авторский замысел не важен для понимания, 2. Текст можно наделить любым смыслом в соответствии с намерениями читателя.

²³ Об феминистской герменевтике см.: *Десницкий*, Введение... С. 174 – 177., *Тисельтон*, Герменевтика... С. 300 – 327., *Ванхузер*, Искусство... С. 239 – 244., *Гондецкий*, Введение... С. 218 – 221., *Грени, Олсон*, Богословие... С. 340 – 358., *Фьоренца Э.Ш.* Принять или отвергнуть (продолжение нашей критической работы). // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 227 – 240.

²⁴ Об герменевтики освобождения см.: *Тисельтон*, Герменевтика... С. 275 – 299., *Ванхузер*, Искусство... С. 245 – 254., *Гондецкий*, Введение... С. 219 – 222., *Грени, Олсон*, Богословие... С. 302 – 339., *Гутьеррес Г.* Теология освобождения // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 204 – 213., *Сегундо Х.* Освобождение теологии // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 214 – 219., *Кокс Х.* К теологии социальных перемен. // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 160 – 176.

²⁵ «Первый тип отвергает авторитет Священного Писания, утверждая, что оно написано мужчинами, стремящимися сохранить свою власть над женщинами. ... Неортодоксальное течение признает пророчество Священного Писания, особенно – в тех случаях, когда оно встает на сторону женщин. Оно стремится использовать все тексты, полезные в борьбе за освобождение женщин. ... Критическое направление стремится показать отличие между положением женщины в апостольской Церкви и в современном мире» *Гондецкий*, Введение... С. 219 – 220.

²⁶ «Феминистская интерпретация должна поставить под вопрос вероучительный авторитет тех библейских текстов, которые утверждают идеи патриархата, и исследовать, каким образом Библия используется в качестве оружия против женщин, борющихся за освобождение. Необходимо также выяснить, может ли Библия вдохновлять эту работу, и если да, то как этого добиться» *Фьоренца Э.Ш.* Принять или отвергнуть (продолжение нашей критической работы). // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 231.

²⁷ См.: *Жеребкина И.* «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000.

Также постмодернистский характер феминистской критики маркирует политическая ориентация этих исследований²⁸. В отличие от модернистской библеистики, заявлявшей о политическом нейтралитете, постмодернистская библейская наука одной из целей своих исследований видит непосредственное влияние на современное общество с целью его изменения²⁹. Это свидетельствует о том, что Библия вновь становится актуальной для жизни современных женщин³⁰. Но, с другой стороны, понимание Библии современным человеком все больше и больше отходит от церковного. Именно поэтому еп. Станислав Гондецкий считает, что большая часть феминистских библейских исследований несовместима с традиционным христианством.

4. Вывод. Значение перемен для православной библеистики

Как было показано в статье, в XX в. библеистика в Европе и Америке претерпела фундаментальные изменения. Однако остается вопрос: как относится к этим переменам православной библеистике?

Несомненно, что церковная библеистика должна интегрировать и использовать наработки западной постмодернистской библеистики. В отличие от модернистской библейской науки, постмодернистская библеистика признает значимость святоотеческих и церковных толкований Библии. Также в рамках постмодерна снимаются существовавшие ранее конфликты между верой и разумом, богословием и наукой. Постмодернистская библеистика также доказала свою практическую значимость. Именно благодаря постмодернистскому прочтению Библия вновь стала актуальной для многих жителей Европы, Америки и стран третьего мира.

Однако нельзя допустить перехода определенных границ. Православная библеистика не может согласиться с тезисом о равенстве всех толкований и прочтений. Как это было и раньше, мерилom истинности той или иной библейской интерпретации должно оставаться догматическое богословие.

В любом случае, постмодернистская библеистика является чрезвычайно интересным и сложным явлением, и требует серьезного академического изучения.

²⁸ «Феминистская библейская интерпретация – это, прежде всего, политическая задача, причем задача насущная, так как Священное Писание и его авторитет сегодня, как и прежде, используются в качестве оружия против женщин, борющихся за свое освобождение» *Фьоренца Э.Ш.* Принять или отвергнуть (продолжение нашей критической работы). // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 231. «По мнению сторонников активистской критики, достигнутые результаты необходимо использовать для изменения современной социально-политической и религиозной ситуации» *Браун*, Введение... Т. I. С. 60.

²⁹ О политическом измерении постмодернистской теологии (и библеистики) см.: *Жижек С.* Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Европа, 2009.

³⁰ О позитивных, с точки зрения традиционного христианства, результатах феминистской критики см.: *Гондецкий*, Введение... С. 221.